

5. Ivashnjova L. L. Mifologicheskaja proza pis'mennoj tradicii: k probleme strukturnyh transformacij fol'klornogo teksta // Ivashnjova L. L. Zhanry fol'klornoj prozy: voprosy pojetiki. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2014, pp. 154–180.
6. Lebedinskij Ja. V. Otrok shimonah Bogolep Chernojarskij // Astrahanskije eparhial'nye vedomosti, 1877, № 3, pp. 11–15; 1877, № 4, pp. 4–8; 1877, № 5, pp. 5–11; 1877, № 6, pp. 7–14; 1877, № 7, pp. 7–11; 1877, № 8, pp. 6–9.
7. Ivashneva L. L. Narodnaja agiografija v kartine mira fol'klornoj prozy Nizhnej Volgi // Hudozhestvennaja kartina mira v fol'klоре i tvorčestve russkix pisatelej / ed. G.G. Isaev. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2011, pp. 11–47.
8. Ivashnjova L. L. Narodnye legendy v tradicionnoj duhovnoj kul'ture Nizhnej Volgi // Muzejnaja dejatel'nost' v formirovanii sovremennogo kul'turnogo prostranstva regiona / ed. M. V. Emelina. Astrakhan, Publisher Sorokin Roman Vasil'evich, 2011, pp. 112–120.
9. Ivashnjova L. L. Agiograficheskie narodnye legendy Nizhnej Volgi: otrok shimonah Bogolep // Russkaja literatura: Istoriko-literaturnyj zhurnal, 2014, № 3, pp. 84–105.
10. Ivashnjova L. L. Narodnaja agiografija v aspekte zhanrovoj raznovidnosti legendy: obraz svjatogo rebjonka Bogolepa Chernojarskogo // Ivashnjova L. L. Zhanry fol'klornoj prozy: voprosy pojetiki. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2014, pp. 22–59.
11. Sravnitel'nyj ukazatel' sjuzhetov: Vostochnoslavjanskaja skazka / comp. L. G. Barag, I. P. Berezovskij, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. L., 1979.
12. Narodnye russkie skazki A.N. Afanas'eva : in 3 vol. / comp. L. G. Barag, N. V. Novikov. M., 1984 (Vol. I); 1985 (Vol. II–III).
13. Rybackie pesni i skazy / Zapis' tekstov, stat'i, primechanija, slovar' i ukazateli R.S. Lipeč. M., 1950, pp. 176–181.
14. Kaspijskie legendy i skazki / comp. K. I. Erymovskij, V. P. Samarenko. Volgograd, 1969. 97 p.
15. Narodnye skazki Nizhnej Volgi / ed. L.L. Ivashnjova. Astrakhan, ASPU Publ., 1999. 220 p.
16. Panova A. Ju. Tipologija obraza rebjonka v ruskoj volshebnoj skazke (na materiale sbornika «Narodnye skazki Nizhnej Volgi») // Literaturnyj personazh kak forma voploshhenija avtorskix intencij / ed. G. G. Isaev. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2009, pp. 3–8.
17. Panova A. Ju. Arhetipicheskie čerty obraza materi v volshebnoj skazke // Arhetipy, mifologemy, simvoly v hudozhestvennoj kartine mira pisatelja. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2010, pp. 36–40.
18. Ivashnjova L. L. Put' geroja narodnoj skazki v nezdesnne miry: mifologema i simvol // Arhetipy, mifologemy, simvoly v hudozhestvennoj kartine mira pisatelja. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2010, pp. 16–22.
19. Ivashnjova L. L. Motiv predopredelenija sud'by personazha v fol'klornoj proze // Russkaja literatura: Istoriko-literaturnyj zhurnal, 2013, № 2, pp. 64–80.
20. Ivashnjova L. L. Legendarnye i volshebnye skazki Nizhnej Volgi: voprosy tvorčeskix preobrazovanij v pojetike zhanra // Ivashnjova L. L. Zhanry fol'klornoj prozy: voprosy pojetiki. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2014, pp. 88–120.

**ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
РОМАНА Ю. ПОЛЯКОВА «КОЗЛЁНОК В МОЛОКЕ»**

Буньядова Нигяр Ильхам кызы, докторант, Бакинский славянский университет, Азербайджанская Республика, AZ1014, г. Баку, ул. С. Рустама, 25.

Статья посвящена анализу широко известного романа крупнейшего современного российского писателя Ю. Полякова «Козлёнок в молоке», в кото-

ром в своеобразной, присущей писателю манере показана картина состояния литературы, жизнь и быт писателей в советскую и постсоветскую эпоху. Особое внимание в статье уделено анализу целой галереи узнаваемых образов – представителей литературной среды, писателей, критиков. На материале этого романа автор статьи исследует особенности поэтики Ю. Полякова: способы освоения жизненного материала, жанровые особенности, искусство создания характеров, богатую символику, неповторимую иронию, выразительность языка писателя и т.п.

Ключевые слова: роман-пародия, ирония, постмодернизм, литературная среда, виртуальные «talants», современная российская литература, художественный образ

THE IDEOLOGICAL AND ARTISTIC ORIGINALITY ROMAN YU. POLYAKOV "KID IN MILK"

Bunyadova Nigar Ilham kizi, doctoral student, Baku Slavic University, Republic of Azerbaijan, AZ1014, Baku, 25 S. Rustam st.

This article analyzes the widely known novel the biggest modern Russian writer Yuri Polyakov "Kid in milk", in which the unique, individual writer manner shows a picture of the state of the literature, the life of writers in the Soviet and post-Soviet era. Special attention is paid to the analysis of a whole gallery of recognizable images – representatives of literary circles, writers, critics. The material of this novel the author investigates the peculiarities of the poetics of Yury Polyakov: development of the life material, genre features, the art of creating characters, rich symbolism, irony unique, expressive language writer, etc.

Keywords: novel, parody, irony, postmodernism, literary environment, virtual "talents", modern Russian literature, the artistic image

Роман «Козлёнок в молоке» был написан в 1993–1995 годах. Отдельные его фрагменты публиковались в таких изданиях, как еженедельник «Собеседник», газеты «Труд», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Московский комсомолец». Это была своеобразная апробация нового произведения. Следующим этапом стало издание романа с незначительными сокращениями в журнале «Смена» [1995, № 11–12]. Отдельным изданием полный текст романа «Козлёнок в молоке» вышел в свет в 1996 году. Роман выдержал с тех пор множество изданий, был театрализован и экранизирован. О романе много писали, высоко оценивая художественное мастерство писателя, большие споры велись по поводу отнесения произведения к реализму или постмодернизму, его жанровой специфики.

Кто-то назвал этот роман «энциклопедией писательской жизни». И это неслучайно, ведь здесь сосредоточено общее представление писателя о состоянии литературы в советскую и постсоветскую эпохи, и действие романа происходит накануне постсоветского периода. С присущей всем предшествующим произведениям Полякова и в целом творчеству писателя иронией показаны жизнь и быт писателей. Создана целая галерея узнаваемых типов, среди которых есть и конъюнктурщики, и халтурщики от литературы, и лжеавторитеты, и т.п. Здесь выведены образы и «шестидесятников», и реалистов, и «контекстуалистов», под которыми подразумеваются, видимо, концептуалисты, и многие другие представители новейших литературных течений. Одним из объектов поляковской иронии в романе «Козлёнок в молоке» являются постмодернисты, поэтому, наверное, многие критики называли этот роман пародией на постмодернизм.

Б. Соколов в статье «Два лица постсоветской литературы. О прозе Юрия Полякова и Владимира Сорокина» отмечает: «Роман-эпиграмма "Козлёнок в

молоке" пародирует не только литературные нравы советского и постсоветского периода, но и новейшие литературные течения, включая постмодернистов и Сорокина... В данном случае высмеивается не только процесс создания литературных репутаций, но и эстетика постмодернизма – в поляковском её понимании» [8, с. 190]. Сам Поляков отмечает, что роман был написан фактически на спор: «Тогда был распространён постмодернизм, считавшийся языком будущего. Но мне кажется, за этим языком скрываются писатели, лишённые особого таланта. Писатель-постмодернист никогда не напишет реалистический роман. И я на спор написал роман-пародию. Подтекст литературоведческой полемики не мешает читать его как плутовской роман. Но человек осведомлённый увидит массу аллюзий» [1]. Так высказался писатель в интервью газете «Зеркало», находясь в Баку.

Азербайджанские исследователи высоко оценили актуальность и художественное значение не только романа Ю. Полякова, но и творчества этого незаурядного писателя в целом. О нём писали М. Коджаев [2], Ф. Наджиева [4], которая в книге «Русская литература сегодня» отвела творчеству Ю. Полякова целую главу. Произведения этого писателя входят в учебную программу филологического факультета Бакинского славянского университета.

Интересно, что роман, который представляет собой жёсткую сатиру на литературную среду, был принят всеми литераторами, получил высокую оценку со стороны самых разных писателей. Т. Морозова, говоря о презентации романа «Козлёнок в молоке», состоявшейся в Писательском клубе (где и разворачиваются события романа), отмечала: «Это событие привлекло, казалось бы, самых непримиримых антагонистов» [3].

Писатель очень хорошо знает ту среду, о которой повествуется в романе и достоверно её воссоздаёт в своём произведении. Это было отмечено почти всеми, кто писал о романе Ю. Полякова при его появлении в печати. Так, В. Широков в рецензии на роман писал: «"Козлёнок в молоке" вполне может быть наречён "Энциклопедией литературного небытия" (ибо как раз в литературном мире перестройка вообще зашла наиболее далеко хотя бы по части окончательного развала всех составляющих институтов, чем где бы то ни было» [9].

Название романа, на первый взгляд, непонятное, вызывающее удивление, на самом деле выражает основную идею автора. Оно происходит от ветхозаветного выражения «Не вари козлёнка в молоке матери его», в котором содержится табу из Моисеева кодекса. Это запрещение может толковаться по-разному. Свою трактовку даёт и Ю. Поляков, считая, что мы нарушаем это табу повсеместно, поголовно, разрушая природу, переступая через нравственные законы и табу. Как считает писатель, в современном мире, особенно в годы после перестройки, люди, переходя из ранга людей доперестроечной эпохи в людей постсоветской эпохи, всё чаще нарушают, казалось бы, незыблемые нравственные законы. По твёрдому убеждению писателя, «вина за случившееся с нашей страной прежде всего лежит на интеллигенции, творческой в том числе» [7, с. 393].

Линия социального анализа существующей реальности, которая была присуща предшествующим произведениям писателя, представлена и в «Козлёнке в молоке», где в сатирической форме разоблачается неприглядная роль творческой интеллигенции, наглядно показывается, как формируются виртуальные «таланты» в литературе. Роман наглядно раскрывает смысл модного сегодня во всех областях слова «раскрутка», в данном случае применительно к писателю. Критики отмечали, что Поляков «с весёлым азартом подробно моделирует технологию создания мифа», показывает тотальное наступление «пиар-технологий» в области искусства, когда талант уже не является необходимым условием творческого успеха [5].

В романе создана целая галерея образов представителей литературного мира. Это, в первую очередь, герой-рассказчик, от имени которого ведётся повествование. Он писатель, который не лишён определённых способностей, и мечтает о том, чтобы написать своё главное, как он его называет, «главненькое» произведение. Но ему нужно, чтобы хоть как-то прожить, заниматься халтурой, например, писать на заказ пионерские приветствия и т.п. На его письменном столе – заказанная ему и ещё не начатая «История Московского шинного завода», за которую получен аванс и уже прожит. Одной из постоянных сфер занятий, приносящих ему хоть небольшой, но постоянный доход, является перевод на русский язык национальных поэтов, например, поэта Эчигельдыева. Его «Весенние ручьи созидания», написанные в советское время, сменяются на «ручьи перестройки», а затем «ручьи суверинитета». А теперь он сочиняет так называемые «эпиграммусечки», которые даже позволили ему выехать за границу. Их тематика и объекты молниеносно меняются, в зависимости от общественно-политической атмосферы. Единственным писателем, «упорствующим в своих принципах», показан в романе Костожогов. Но с сожалением герой-рассказчик говорит о том, что пример этого писателя неудачен, ведь жизнь его «в конце концов всё-таки сожрала, схарчила, схрумкала». Дело в том, что Костожогов, «поэт-орденоносец», первая же поэма которого вошла в учебники, получивший дважды Сталинскую премию, какое-то время «был знаменит, богат и страшно плодовит. Его стихи без конца издавали, переиздавали, читали с эстрады, по радио, даже пели ... Его дача в Перепискино была самой большой, богатой и хлебосольной. ... Костожогова даже прочили на место Фадеева... И вдруг Костожогов исчез. Сначала вообще думали, что его посадили. Но потом выяснилось: нет, однажды утром он ушёл со своей перепискинской дачи с чемоданчиком белья и связкой книг и обнаружился через некоторое время в глухом Подмоскovie в качестве обыкновенного учителя литературы цаплинской сельской школы» [6, с. 114–115].

Это была типичная ситуация для советского времени, когда происходили головокружительные подъёмы и падения, писатели впадали в немилость и сразу исчезали из поля зрения. О нём стали говорить то же, что и о других: «он исписался». Но после того, как в одном, «неприметном журнальчике» появился его маленький рассказ о деревенской жизни, такой по тем временам необычный и вызывающе честный, началась компания против писателя, появились во всех изданиях разгромные статьи. Всё закончилось тем, что прошёл слух: Костожогов «тронулся умом». Только после этого его оставили в покое, хотя и появился термин «костожоговщина» [6, с. 113–114]. Многие писали о том, что прототипом для создания Костожогова стал Солженицын. Сам писатель, не отрицая этого факта, в то же время подчёркивает во всех своих выступлениях, что герои его романа «Козлёнок в молоке» не имеют реальных прототипов. Это типические образы, в которых писателем обобщены наиболее характерные черты людей творческих профессий, в частности, писателей, критиков, людей, занимающихся литературным трудом.

Показателен в этом смысле образ писателя Чурменяева, начиная с происхождения его фамилии, которую «заслужил» дед писателя. На заре советской власти его так боялись люди, что при встрече с ним восклицали «Чур меня!». Когда он «слетел» со всех своих революционных постов, то стал детским писателем. На примере жизни этого «внука классика детской литературы» и сына крупного советского руководителя, молодого писателя показано, как некоторые писатели в советское время разными способами получали мировую известность. Начинающий писатель Чурменяев рассылает свой роман «Женщина в кресле» в западные издательства. По всей видимости, этот роман постмодернистского толка. Достаточно сказать, что его замысел появился у Чурменяева, когда он вдруг представил Настасью Филипповну на приёме у гинеколога. Поляков с иронией отображает здесь «игру с осколками», об-

ращение постмодернистов к классическим произведениям с целью их деконструкции, «переписывания» сюжетов и тем классической литературы.

В романе Полякова есть и другие, не менее живописные образы из мира советской литературы. Поэт Одуев, раньше просто Удоев, сын богатых родителей, работающих за границей. Он нигде не работает, пьянствует, ведёт распутный образ жизни. Колоритно выписан и образ «бабушки русской поэзии» Ольги Эмануэлевны Кипятковой. Её звёздный час наступил «вскоре после войны, когда Андре Жид, приехав в Москву, добился встречи со Сталиным, чтобы уговорить его дать некоторые послабления советским гомосексуалистам» [6, с. 197]. Не обходит стороной Ю. Поляков и вечный спор семитов и антисемитов, отображая его в глубоко комической форме в образах двух, очень выразительно выписанных персонажей. Один из них – Иван Иванович Медноструев, который был известным в литературных кругах антисемитом, автором ходившего по рукам исследования «Тьма. Евреи против России». Другой – Иван Давидович Ирискин, автор ходившего по рукам «рукописного труда «Темнота. Россия против евреев». Poleмика между «Тьмой» Медноструева и «Темнотой» Ирискина идёт уже много лет.

Один из тех, кто руководит Союзом советских писателей, естественно, представитель социалистического реализма Николай Николаевич Горынин, автор знаменитого, вошедшего во все учебники, антологии и переведённого на разные языки романа «Прогрессивка» («Progressivka»). До прихода в литературу Николай Николаевич работал начальником цеха на мебельной фабрике. Он не написал после этого ни одного произведения. Когда его спрашивают, почему, он ссылается на свою занятость в Союзе писателей. Вся его работа состоит в том, чтобы помнить, «кто именно и по сколько раз получил матпомощь», кому без очереди нужно выдать машину, а кому и зажать, как и кому распределить путёвки, премии и награды и т.д. Но Горынин особо не жалуется, терпеливо ожидая свою «Гертруду» (Героя труда) и безвылазно сидя за своим «историческим столом, который в писательских кругах именовали саркофагом» [6, с. 180].

В такой ситуации вполне правдоподобной кажется история, положенная в основу романа Ю. Полякова «Козлёнок в молоке». Надо отметить, что действие романа происходит в 1985 году, в «первые месяцы горбачёвской перестройки»: «...время наступило замечательное: нашему доверчивому народу уже дали в ручонку погремушку гласности, но пока ещё не отняли от материнской груди социализма. Впрочем, нет! Началось это чуть раньше, как раз накануне гласности. Ну, конечно, как можно перепутать? Ведь и гласность хренова началась именно с этой истории» [6, с. 19]. В это точно обозначенное и иронически охарактеризованное писателем время, герой-рассказчик, выпивая с приятелями в ресторане Центрального дома литераторов, поспорил, что из любого первого встречного, даже не способного писать человека он сможет сделать всемирно известного писателя, лауреата Пулитцеровской премии по литературе. Для этого нужно всего лишь представить большое по объёму произведение, которое никто не будет читать, придумать будущему писателю интригующий «прикид», познакомить его с нужными людьми, снабдить душещипательной биографией. И самое главное, он должен выучить «Золотой минимум начинающего гения», который и будет основой лексикона будущего гениального писателя. Это всего 12 слов и выражений: «1. Вестимо, 2. Обоюдно, 3. Ментально, 4. Амбивалентно, 5. Трансцендентально, 6. Говно, 7. Скорее да, чем нет, 8. Скорее нет, чем да, 9. Вы меня об этом спрашиваете? 10. Отнюдь, 11. Гении – волы, 12. Не варите козлёнка в молоке матери его!» [6, с. 101].

В качестве будущего «писателя» избирается Витька Акашин, малограмотный рабочий-«чальщик», которого даже из ПТУ выгнали за неуспеваемость. Его красноречивая портретная характеристика говорит сама за се-

бя: «...здоровенный кудряво-конопатый парень, не знающий, куда деть свои огромные красные ручищи. ...лицо парня светилось добродушной безмятежностью: вероятно, из всех проклятых вопросов бытия его беспокоил только один – как дотянуть от аванса до получки» [6, с. 47].

На протяжении романа показывается, как этот план начинает воплощаться в жизнь. Акашин получает собранный из всякого хлама «прикид», придумывается роман под названием «В чашу». Критик Закусонский даже не делает попытки заглянуть в папку, где вместо мнимого романа лежит стопка белой бумаги, он обещает за определённое вознаграждение написать рецензию на роман. Горынин, также посмотрев на папку, выписывает матпомощь начинающему писателю и всюду начинает хвалить этот несуществующий роман, говоря всем, что это новое слово в литературе. А любвеобильная поэтесса Кипяткова, проведя ночь любви с Витьком, начинает повсеместно расхваливать «молодого гения» и его роман.

Самое удивительное, что эта нереальная затея – сделать из не имеющего представления о литературе, безграмотного рабочего известного писателя – становится реальностью. Писателю-наставнику молодого гения удаётся выиграть заключённое пари. И Витёк, Витька Акашин в самое короткое время становится известным писателем, роман которого, состоящий из листов белой бумаги, выдвигают на «Бейкеровскую премию», и для получения этой награды Витька Акашин в сопровождении Горынина, его дочери Анки, которая теперь является его женой, отправляется в Нью-Йорк, в Америку. Интересно, что в романе Ю. Полякова «Козлёнок в молоке» почти все основные события фактически разворачиваются в ресторане. Именно там заключается это невероятное пари, там решаются судьбы главных героев, там формируется представление о писателях, о литературе и в целом о времени, в котором живут герои. Неслучайно в итоге хозяевами постсоветской жизни становятся бывшая официантка и малограмотный детина, ставший известным писателем. Вернувшись из Америки, оставив там свою жену Анку, дочь Горынина, Витька Акашин, бывший рабочий, со своей Надей, бывшей официанткой, открывает ресторан «У застоя».

Поляков использует оригинальный художественный приём. В конце романа он помещает заметку: «Найдена рукопись (Вместо послесловия)», в которой говорится о том, что книга, которая представлена читателю, всего лишь публикация найденной издателем на пепелище ресторана «У застоя» рукописи. Здесь также говорится о том, что в рукописи не было ни имени автора, ни названия произведения. Поэтому «издатель» «решил опубликовать роман под своим именем, рассчитывая, что, обнаружив такое самоуправство, автор, если с ним всё в порядке, возмутится и объявится», ещё он «заменял подлинные имена фамилии на вымышленные», «придумал название и определил жанр "роман-эпиграмма"» [6, с. 478].

Роман Ю. Полякова «Козлёнок в молоке» действительно имеет все элементы эпиграммы. Это ёмкий «короткий» роман с сатирической направленностью, в котором подвергается сатирическому осмеянию и изобличению литературная среда в эпоху перелома. Интересно, что к эпиграмме, «эпиграммушечкам» обращается герой-рассказчик, чтобы подзаработать, так как этот жанр является одним из наиболее востребованных в среде новых русских, однажды он смог даже выехать за рубеж.

Ю. Поляков широко использует аллюзии как основной приём создания комического эффекта. Почти каждое название – это отсылка к известному высказыванию, литературному факту, названию известных художественных произведений и т.д. Известно, что ещё древние греки в своём комическом искусстве не могли обойтись без аллюзий. Ю. Поляков, ставя задачу сатирического осмеяния, изобличения, прибегает к этому известному с древности приёму и очень успешно применяет его в своём произведении.

Список литературы

1. «Замыслил я побег» в Баку. Интервью с Ю. Поляковым // Зеркало. – 2006. – 20 мая.
2. Коджаев М. Юрий Поляков и его роман «Козлёнок в молоке» / М. Коджаев // Зеркало. – 2006. – 1 июля.
3. Морозова Т. Обречён быть в оппозиции / Т. Морозова // Правда. – 1996. – 23 апреля.
4. Наджиева Ф. Русская литература сегодня. Очерки о новейшей русской литературе : учеб. пос. / Ф. Наджиева. – Баку : Мутарджим, 2015.
5. Неверов А. «Козлёнок в молоке» / А. Неверов // Труд. – 1996. – 21 марта.
6. Поляков Ю. Козлёнок в молоке / Ю. Поляков. – М. : Росмэн-Пресс, 2007.
7. Поляков Ю. Собрание сочинений : в 5 т. / Ю. Поляков. – М. : Росмэн, 2004. – Т. 3.
8. Соколов Б. Два лица постсоветской литературы / Б. Соколов // Дружба народов. – 1997. – № 6. – С. 186–194.
9. Широков В. Рецензия на роман Ю.Полякова «Козлёнок в молоке» / В. Широков // Независимая газета. – 1998. – 21 мая.

References

1. «Zamyslil ja pobeg» v Baku. Interv'ju s Ju.Poljakovym // Zerkalo, 2006, 20 maja.
2. Kodzhaev M. Jurij Poljakov i ego roman «Kozljonok v moloke» // Zerkalo, 2006, 1 ijulja.
3. Morozova T. Obrechjon byt' v oppozicii // Pravda, 1996, 23 aprelja.
4. Nadzhieva F. Russkaja literatura segodnja. Oчерki o novejshej russkoj literature. Baku, Mutardzhim, 2015.
5. Neverov A. «Kozljonok v moloke» // Trud, 1996, 21 marta.
6. Poljakov Ju. Kozljonok v moloke. M., Rosmjen-Press, 2007.
7. Poljakov Ju. Sобрание sochinenij : in 5 vol. M., Rosmjen, 2004, vol. 3.
8. Sokolov B. Dva lica postsovetskoj literatury // Druzhba narodov, 1997, № 6, pp. 186–194.
9. Shirokov V. Recenzija na roman Ju.Poljakova «Kozljonok v moloke» // Nezavisimaja gazeta, 1998, 21 maja.